

ИЗДАНИЕ
1932

ГЕСИОД РАБОТЫ И ДНИ

ПЕРЕВЕЛ
С ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОГО
В. ВЕРЕСАЕВ

ГЕСИОД

РАБОТЫ и ДНИ

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ПОЭМА

ПЕРЕВЕЛ С ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОГО
В. ВЕРЕСАЕВ

В 1918 г. ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК ПЕРЕВОД УДОСТОЕН
ПОЛНОЙ ПУШКИНСКОЙ ПРЕМИИ

„НЕДРА“

1927

ГЕСИОД

1. Т. БЕРГК. СТРАНА И НАРОД

Беотия, где родился Гесиод, была страна густо населенная, плодородная и богато одаренная природой, если не говорить о климатических условиях: густой, тяжелый воздух и туман, шедший от богатых водою озер, оказывал не особенно благоприятное влияние на темперамент обитателей. Впрочем, местные условия были не везде одинаковы, как не везде одинаковы были народная жизнь и народный характер. Так напр., феспийцы отличались от остальных беотийцев живым чувством чести и патриотизмом. Они и позднее единственные во всей этой стране подняли оружие против персов. Мы навряд ли ошибемся, если увидим здесь следствие влияния ионийского элемента, так как эту часть Беотии раньше занимали ионийцы.

Беотия имеет богатую историю, идущую в глубокую древность. Невероятное количество легенд связано с каждым клочком этой страны. Она занимала небольшое пространство, но уже с ранних времен стала театром продолжительных войн, так что ее по праву можно было назвать местом пляски бога войны. Нигде не встречаем мы так много имен маленьких народностей, частью живших рядом, частью сменявших друг друга, так как Беотия не раз меняла свое население. Во время последнего великого переселения, страною овладело племя эолийских беотийцев, раньше жившее в Фессалии. Прежние обитатели частью выселились, однако, многие и остались; в большинстве случаев они принадлежали, особенно в южных погра-

нических областях, к ионийскому племени. Беотийский диалект показывает вполне ясно, что позднейшее население образовалось из слияния двух различных элементов. Это—смешанный говор, в основе своей эолийский, но с сильной ионической окраской.

О старых беотийцах никак нельзя судить по позднейшим описаниям, часто весьма пристрастным. Нерасположение соседей, особенно афинян, сознававших свое превосходство, никогда не щадило беотийцев и вело к сильным преувеличениям. Если эти неблагоприятные отзывы нужно принимать с осторожностью даже относительно позднейшего времени, то мы еще меньше имеем право относить их к более ранним векам. В эпоху около первой олимпиады (776 г. до Р. Х.) уровень культуры стоял в Беотии несколько не ниже, чем в большинстве местностей континентальной Греции. Правда, нечто тяжеловесное было свойственно беотийцам во все времена, поэтому полный, свободный расцвет духа удастся только немногим выдающимся натурам. Из Гесиода мы можем также заключить о склонности его земляков к чувственным наслаждениям и косности. Вот как обращаются к ним Музы в вступлении к „Теогонии“ (ст. 26).

Эй, пастухи полевые, несчастные, брюхо сплошное!

Однако беотийцы вовсе не были тупоумным народом, недоступным обучению, чуждающимся всего высокого. В кругах благородных родов, стоявших во главе правления, долго еще держалась рыцарская жизнь. Поэтому женщины пользовались особенным уважением. Недаром фиванские женщины, совсем так, как фессалийские и спартанские, выдавались красотой и природною прелестью, которая и позднее еще сказывалась в полной вкуса скромной одежде, в движениях тела и в речи. Беотийцы, правда, не были большими друзьями многословия, но поэзию они любили. С древних времен находим мы на Геликоне святилище Муз, пользующееся большим почетом. Религиозные и героические песни держались в памяти народа, относившегося любовно и благоговейно к памяти прошлого. Поэтому гомеровы песни находили здесь радушный прием, и характерно, что новый расцвет эпической поэзии происходит

как раз в Феспиях, — „гостеприимных, любимых Музами“, по выражению поэтессы Коринны. Но Беотии не было суждено стать постоянным обиталищем поэзии. Вероятно, неурядицы общественной жизни заставили Гесиода переселиться в соседнюю страну западных локров.

В этой стране жизнь не ограничивалась одним только земледелием и скотоводством. Локры были также деятельными мореплавателями и торговцами до той поры, пока преобладание Коринфа не заставило их от этого отказаться. Спокойная размеренность жизни, свойственная вообще дорийцам, прирожденное чувство порядка характеризует также и локров в противоположность эолийским беотийцам; ведь именно локры первыми установили у себя господство писаного закона. Любовь к песням и мусическим искусствам не составляет исключительной особенности локров, переселившихся в Италию, но была свойственна всем ветвям этого племени. Таким образом поэт мог уверенно ждать здесь радушного приема. Эпическая поэзия, пересаженная к дорийцам, вскоре пускает крепкие корни и принимает своеобразный характер. Как ни заманчива была попытка вступить в состязание с ионийскими певцами, но поэзия, воротившаяся теперь снова на свою старую родину, идет собственной дорогою и ставит себе более скромную цель. Этот новый характер эпической поэзии мы чувствуем вполне ясно в творчестве Гесиода и его последователей. Таким образом, дорийцы оказали гораздо больше влияния на эпическую поэзию, чем обыкновенно думают. Продолжение Илиады на Крите и Одиссеи в Лаконии показывают, какой живой интерес проявляли дорийцы к гомеровой поэзии. И если поэзия Гесиода и имеет свои корни в Аскре, в эолийской Беотии, то вполне распускается впервые лишь в локрийском Навпакте.

2. П. ВАЛЬЦ. ЖИЗНЬ ГЕСИОДА

О происхождении и жизни Гесиода до нас дошли от древних самые фантастические сказки. Его мнимое родство с Лином, Пиэром, Орфеем или Гомером, победа, которую он якобы одержал своими мирными песнями над воинственными песнями

Илиады, имеет столь же мало вероятия, как легенда, делающая беотийского поэта, поселившегося под старость в Локриде, отцом поэта Стесихора. Единственные достоверные сведения о жизни Гесиода дает нам его поэма „Работы и дни“ в тех ее частях, подлинность которых не вызывает сомнений.

Из нее мы знаем, что Гесиод был сыном моряка из эолийской Кимы. „Убегая от жестокой нужды“ (ст. 638), отец его переселился в Беотию, в местечко Аскру, входившее в феспийский округ. Имя Гесиодова отца неизвестно. Древние биографы называют его Дием, но это основано на ошибочном чтении ст. 299 поэмы ($\Delta\iota\omicron\upsilon\varsigma\ \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ вместо $\delta\iota\omicron\upsilon\varsigma\ \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$). Гесиод дает основание предполагать, что местечко не было целью путешествия его отца, но что он только „заехал“ сюда (635) и осел, очевидно, потому, что здесь представился случай приобрести владение. Иначе было бы странно, почему он выбрал эту суровую горную местность, „тягостную летом, зимою плохую“ (640). Пути сообщения были там очень плохие, потому что долина Аскры не имеет выхода; кроме того, через геликонский массив не проходило ни одной из истмийских дорог, которыми пользовались торговые караваны.

Принужденные обходиться собственными средствами, лишенные возможности обмена с более цивилизованными чужестранцами, обитатели жили преимущественно земледелием ¹⁾. Гесиод, выросший в Аскре ²⁾, с ранних лет занимался обработкою отцовского участка. Пахота, сев, жатва, сбор винограда, — те же работы чередовались для него из года в год с однообразною правильностью, которая суживает горизонт человека и пригибает его голову к земле, требующей для себя всего внимания и всех сил.

Наиболее известным событием в жизни Гесиода является его распря с братом Персом. Перс был человек ленивый, раз-

¹⁾ Единственным существенным занятием для крестьянина Гесиод считает земледелие с прибавкою некоторых ремесл, необходимых в местности, где каждый должен обслуживать себя сам, — тележного мастерства, гончарного и т. п. Главнейшими продуктами аскрийских полей были хлебные злаки, виноград, свекла.

²⁾ Большинство древних биографов сообщает, что Гесиод там же и родился; по Свиде и Гермесианаксу, родился он в Киме и прибыл в Аскру вместе с отцом.

гульный и завистливый. Когда, после смерти отца, братья поделили между собою наследство, Перс заявил недовольство произведенным разделом и затеял против Гесиода процесс перед „царями“ Феспий. Эти семь начальственных лиц стояли во главе военного и религиозного управления краем; к ним же граждане обращались в своих распрях, как к судьям; приговоры, произносившиеся ими на площади, принимали силу закона ¹⁾. „Цари“ эти были подкуплены Персом и постановили приговор в его пользу. Гесиод, которому его щепетильная честность послужила только во вред, отомстил за себя тем, что обесмертил в своих стихах бесчестные интриги брата и продажность судей. Персу же не пошло в прок добро, нажитое плохим путем. Он наделал долгов, впал в бедность и стал влачить плачевную жизнь, нищенствуя с женою и детьми. Без успеха стучался он во все двери и тщетно умолял о жалости своего брата. Теперь Гесиод был бесчувствен ко всем его мольбам.

Это происшествие и послужило предлогом,—или, по крайней мере, отправной точкой,—для составления поэмы „Работы и дни“. Гесиод, превосходно знакомый со всем деревенским укладом, поставил себе целью нарисовать Персу жизнь, какую он должен был бы вести, чтобы практически и морально быть добрым земледельцем. Это давало Гесиоду случай развернуть свои познания, которые могли оказаться полезными людям, находящимся в подобных же условиях жизни.

Кроме советов по земледелию и мореходству, поэма содержит еще сведения по естественной истории и астрономии, нередко поражающие нас своею точностью: если исключить фантастические легенды, упоминаемые мимоходом (напр., о полипе, гложущем собственную ногу, ст. 525), то мы находим у Гесиода лишь факты, которые сам он проверил самым тщательным образом. Между прочим, одно обстоятельство заслуживает особенного внимания: Гесиод в подробностях знаком со старинными мифами и со всеми приемами, которыми приобретается благоволение богов; часть этого знания, во всяком случае, Гесиоду могло дать только обучение у жрецов. В та-

¹⁾ В этом отношении следует отметить значительное различие с гомеровскими нравами, где приговор царя свободно принимался обеими сторонами.

ком случае нам станет понятна та исключительная слава, какою старый беотийский певец пользовался у всей древности за свое всезнание; уважение внушали не только его талант и характер, но и религиозные его сведения. В глазах потомства он навсегда остался таким, каким сам хотел себя обрисовать: „чтущим богов, рассудительным мужем“ (731).

Можно было бы утверждать, что Гесиод пользовался этою славою уже при жизни, если бы критика не подвергла весьма серьезным сомнениям то место „Работ и дней“, где поэт вспоминает о победе в поэтическом состязании, одержанной им на погребальных играх в честь Амфидаманта (651—658). Тут нет ничего невероятного; но, к сожалению, факт этот недостаточно установлен, короткий же рассказ, вставленный в поэму, очень быстро оброс совершенно неприемлемыми легендами; так напр., в связь с ним древние ставили мнимую победу Гесиода над Гомером, о которой рассказывается в позднем произведении „Состязание Гомера и Гесиода“. Следует отметить здесь одну подробность: Гесиод сообщает, что это—единственное путешествие, которое он сделал по морю. Автор „Работ и дней“ не был странствующим певцом; он был мужик-домосед, очень привязанный к земле, особенно к собственной земле; ее, вероятно, он обрабатывал до конца жизни и покидал лишь на короткое время для того, чтобы выступить со своими стихами на празднике или на состязании в том или другом из соседних городов. Вся древность верила, что Гесиод был принужден удалиться в изгнание к локрам. Но это весьма сомнительно. Если бы, однако, это даже было и так, то самый факт переселения его в соседнюю страну вовсе еще не свидетельствовал бы о том, что поэзия заставила его отказаться от деревенской жизни, которой он был обязан своим вдохновением.

О смерти Гесиода создано много легенд. Павсаний (IX, 31) рассказывает:

Все согласны, что сыновья Ганиктора, Ктимен и Антиф, бежали в Моликрию из Навпакта вследствие убийства Гесиода, и что там, в Моликрии, их постигла кара за то, что они погрешили против Посейдона. Что же до обещания сестры этих юношей, то одни говорят, что совершил преступление другой, а Гесиод пал жертвою ложного подозрения; другие, напротив, утверждают, что совершил это Гесиод.

В „Пире семи мудрецов“, приписываемом Плутарху, о смерти Гесиода рассказывается так:

Некий Мелесий, с которым Гесиод делил кров и стол у общего хозяина, вступил в тайную связь с дочерью хозяина и был уличен. На Гесиода пало подозрение, что он с самого начала знал о деле и покрывал его. Он был невиновен, но стал жертвою гнева и клеветы. Братья молодой девушки подстерегли и убили его близ Немеона в Локриде, а вместе с ним и его слугу. Тела их были брошены в море. Стадо дельфинов подхватило у берега тело Гесиода и отнесло его к Риону до Моликрии. Локры были в то время в сборе по случаю праздника в честь Ариадны, которое они отправляют еще и теперь на этом же месте с большою торжественностью. Когда подгоняемое волнами тело было замечено, все, понятно, очень удивились, сбежались к берегу и узнали мертвого, так как он еще не разложился. С большою поспешностью они сейчас же стали разыскивать убийц, ибо слава Гесиода была весьма велика. Розыски оказались успешны. Убийцы были живыми сброшены в море, а дома их разрушены ¹⁾.

Личность Гесиода ярко вырисовывается в его поэме. Характер его нам известен гораздо более, чем события его жизни. Деятельный, практичный, склонный в приобретательству, но щепетильно честный, безжалостный в своей суровой добродетельности, всегда бодрый и редко удовлетворенный, то холодно рассудительный, то суеверный до полнейшей бессмыслицы, натура угрюмая и мрачная, у которой даже улыбка

¹⁾ В „Состязании Гомера и Гесиода“,—произведении, относящемся к эпохе римского императора Адриана,—находим еще некоторые подробности. Когда Гесиод после своей победы над Гомером прибыл в Дельфы, чтобы принести в дар богу полученный им приз, пророчица встретила его такими словами:

О, сколь блажен этот муж, что в жилище моем появился,
Вечными Музами чтимый, певец Гесиод знаменитый!
Славен он будет повсюду, куда лишь заря достигает.
Но опасайся пленительной рощи Немейского Зевса:
Там тебе смертный конец обрести предназначено роком.

После этого Гесиод стал избегать Пелопоннеса, думая, что речь шла о находящейся там Немее. Но однажды он прибыл в одно местечко Локриды, не зная, что оно называется святилищем Немейского Зевса. Здесь то вышеупомянутые юноши заподозрили Гесиода в посягательстве на честь их сестры и убили его.

всегда хранит горькую складку иронии,—Гесиод напоминает нам здоровое и крепкое растение, не имевшее возможности вполне развиться в тяжелом воздухе Беотии, на скудной почве Геликона.

3. А. Р Ж А Х. ВРЕМЯ ЖИЗНИ

Уже в древности о времени жизни Гесиода спорили и писали так много, что, напр., Павсаний (IX, 30, з) опасается выступать с собственным взглядом, хотя, по его словам, он подверг этот вопрос тщательнейшему изучению. Больше всего возбуждал интерес вопрос, кто жил раньше, Гомер или Гесиод. Из „Состязания Гомера и Гесиода“ узнаем, что принимались все три возможности: „одни говорят, что Гомер был старше Гесиода, другие,—что он был моложе и находился с ним в родстве, третьи,—что оба процветали в одно и тоже время“.

За одновременность, являющуюся предпосылкою легенды о состязании, выступали в V веке до Р. Х. логографы Гелланик и Ферекид. Они сообщают, что отец Гомера Меон и отец Гесиода Дий были родные братья, сыновья Апеллеса. Геродот также считал обоих поэтов современниками, жившими за 400 лет до него. Противоположное мнение с особенною настойчивостью защищал историк Эфор, который, очевидно, из местного патриотизма утверждал, что его предполагаемый земляк был старше Гомера. Так как нельзя было класть между поэтами слишком большого промежутка времени, то Эфор сделал Апеллеса, являющегося у Гелланика отцом Меона и Дия, их братом, а Гомера — сыном Меона и Апеллесовой дочери.

Правильное времеотношение, сколько можно судить, первыми угадали Ксенофан и Филохор. Мнение их о старшинстве Гомера нашло полное признание у авторитетных александрийских исследователей,—Эратосфена, Аристарха и др. Внешние и внутренние основания делают это воззрение неоспоримым. Особенное значение имеет обстоятельство, отмеченное преимущественно Бергком: эпический стиль, царящий в гесиодовых произведениях, по существу совершенно тот же, какой мы видим и у Гомера. Стиль же этот мог развиваться только

в ионийской области Малой Азии, а не в собственно Греции, в местности беотийской или локрийской. Местные особенности, придающие языку гесиодовых произведений известную диалектическую окраску, не в силах, однако, изменить его общего характера. Произведения Гесиода возникли в другой местности и среде, обрабатывали другой материал, преследовали другие цели,—и тем не менее в них царствует условный певческий язык, созданный долгой практикой, тот эпический стиль со всеми его особенностями, которой вырос в Ионии. Если бы старшим был Гесиод, то нельзя было бы понять, почему он не обратился к естественному выражению своих мыслей к собственному наречию. Очевидно, к тому времени, когда он создавал свои произведения, была уже дана определенная художественная форма. Он выбрал ее так же, как, напр., старинный коринфский эпический певец Евмел, который тоже писал не на наречии своей родины. А так как требовалось известное время, чтобы гомеровы песни, распространившись по материку, дали здесь толчок к новому поэтическому творчеству, то является решенным, что гесиодова поэзия—более молодая.

Это—касательно формы. Есть не менее веские аргументы, касающиеся содержания. Нельзя, конечно, придавать большого значения известным различиям в религиозных представлениях,—это могло зависеть от различия целей гомеровой и гесиодовой поэзии. Надо также иметь в виду, что среда у обоих поэтов существенно-различная: нельзя сравнивать мореходных, широко общающихся с миром ионийцев с прикованными к клочку своей земли обитателями Беотии или Локриды. Но совершенно несомненно, что у Гесиода мы имеем дело с рефлексией, гораздо более развитою, чем в повествовательном по преимуществу гомеровском эпосе. Осадок этой рефлексии, в виде великолепных изречений и гном в „Работах и днях“, может быть рассматриваем прямо, как этика того времени. Интерес к общественной жизни и к потребностям личности, несомненно, свидетельствует о пошедшем вперед развитии. В „Теогонии“ поэт погружается уже в философскую спекуляцию, он исследует и обсуждает сущность вещей, мир и богов,—проблемы, в общем еще совершенно чуждые гомеровской поэзии. Большое значение имеет также определенно-суб'ективный характер

гесиодовой поэзии, проявляющийся особенно в отношении автора к его брату Персу. Поэт даже обнаруживает уже понимание культурно-исторического развития: в изображении третьего, медного поколения особенно подчеркивается, что

Были из меди доспехи у них и из меди жилища,
Медью работы свершали; никто о железе не ведал.

Таким образом, бронзовый век лежит далеко позади поэта, сам поэт принадлежит к железному веку: „землю теперь населяют железные люди“,—говорит он (176). И говорит это, разумеется, не только в моральном смысле: Гесиод знал, что раньше в употреблении была преимущественно бронза. В Илиаде же железо упоминается сравнительно еще очень редко.

В настоящее время никто уже не сомневается, что гомеорова поэзия предшествовала гесиодовой. Но чтобы точнее установить время последней, нужно постараться найти *terminum ante quem*. Его дают нам идущие в глубокую старину и совершенно несомненные подражания гесиодовым мыслям и оборотам. Наличие их доказана у старейших ямбографов и лириков, время жизни которых мы имеем возможность установить другими путями. Очевиднейшие следы влияния Гесиода мы находим у Архилоха (в его баснях), особенно же у Семонида Аморгосского, обильно заимствующего у Гесиода не только мысли, но также выражения и обороты. Гесиоду подражал Алкей¹⁾, следы его влияния находим у Сафо. Как видим, старейшие греческие лирики черпали из законченных гесиодовых произведений, которые, следовательно, были созданы раньше.

Взвешивая все вышеприведенные соображения, мы должны притти к выводу, что гесиодова поэзия относится к восьмому веку до Р. Х.

¹⁾ Ср. примечание к ст. 582—588 нашего перевода „Работ и дней“.

ВИЛЬГЕЛЬМ ф. ХРИСТ

ХАРАКТЕР ГЕСИОДОВОЙ ПОЭЗИИ

Гесиод является отцом и главнейшим представителем дидактического эпоса, как Гомер—героического. Это новое направление эллинской поэзии было обусловлено прежде всего индивидуальными особенностями нашего поэта: Гесиод был натурой серьезно-настроенною, критическою; он склонен был к размышлениям о боге и мире, о связи между действиями человека и его счастьем, о целях человеческой жизни; он воспринимал мысли народа о подобных вещах и развивал их дальше. Гесиод ищет правды,—не забавляющей игры, не блестящей видимости. Сознательно противопоставляя себя Гомеру, как бы откликаясь на одно место в „Одиссее“¹⁾, он вкладывает в уста своим Музам такие слова:

Много умеем мы лжи рассказать за чистейшую правду.
Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем.

Теог. 27—28.

И правду он ищет не на сияющих высотах человеческого бытия, а в глубинах, в нужде и работе повседневности, где естественная связь между преступлением и страданием всего легче бросается в глаза, где вечные основные истины всякой нравственности познаются в наиболее ясных и простых формах. Гесиод видит свою задачу в том, чтобы сообщать землякам нужные сведения о богах, доставлять им потребный запас как

¹⁾

Так неправду за чистую правду
Он выдавал им. (Одисс. XIX, 203).

нравственных предписаний для правильной жизни, так и практических правил для разумного домоводства. Он—поэт для мужиков, как Гомер—поэт для царей. Говорят, так выразил разницу между ними Александр Македонский.

Различие между обоими поэтами обуславливалось также различным состоянием, в котором находились их отчизны. Там, в Азии,—свежий, развивающийся под'ем ахейской эпохи, непосредственно примыкающий к расцвету культуры в метрополии; легко подвижный народ, которому, благодаря морю, были доступны далекие страны; слушатели, жадные до сказок и приключений. Здесь, в Бессии,—бедность, еще не устраненные последствия крушения культуры, вызванного дорическим переселением, корыстолюбивая, эгоистическая знать („цари-дарядцы“ Гесиода), стонущее под ее пристрастным правлением, угнетенное население, принужденное, главным образом, заниматься лишь земледелием и скотоводством, духовно мало подвижное, не чувствительное к чарам художественного совершенства формы.

В техническом отношении гесиодова поэзия отчасти примыкает к гомерову эпосу, которому она следует в стихотворном размере, диалекте и словесных оборотах, отчасти идет ему в разрез: так, напр., характерную особенность поэзии Гесиода составляют простые перечисления и мало между собою связанные ассоциативные нагромождения, при чем для оживления вводятся более или менее длинные эпизоды повествовательного или описательного характера. Старые художественные критики называли эту форму стиля „гесиодовой манерой“ и выбрасывали, напр., из Илиады (XVIII, 39—49) сухой перечень Нереид, как „носящий след гесиодовой манеры“. Уже древними была также замечена склонность Гесиода к гномическому и аллегорическому изложению, представляющему резкую противоположность веселой фантазии Гомера и его пластической верности природе. Конечно, за Гомером следует признать гораздо большую уверенность формы, изящество и подвижность. Однако, нельзя упускать из виду, что задачи, занимавшие Гесиода и побуждавшие его высказываться, представляли гораздо больше трудностей для художественного изображения. Своими менее

гибкими и красочными стихами Гесиод вводит нас в серьезные глубины человеческой жизни и мышления гораздо больше, чем всегда радостная гомерова песня. Серьезная настроенность духа, поднимающая последние вопросы человеческого бытия, является особенностью Гесиода и представляет резкий протест против эстетизирующей поверхностности старо-ионийского воззрения на жизнь ¹⁾. У Гесиода мы улавливаем первые, еще глухие раскаты того недовольства обездоленных, которое позднее, у Архилоха, разражается ослепительными молниями. Насколько Гесиод уступает Гомеру в искусстве формы, настолько же он превосходит его глубиной, оригинальностью, честностью и основательностью постановки нравственных вопросов. Грекам приносит большую честь, что, несмотря на эти глубокие различия, они ставили обоих поэтов по культурному их значению одинаково высоко.

¹⁾ Навряд ли заслуживает серьезных возражений такая оценка гомеровского жизнеотношения. Говорить об „эстетизирующей поверхностности“ мировоззрения Гомера и без улыбки противопоставлять ей жиденькую гесиодову философию умеренности и аккуратности — значит расписаться в полной своей неспособности хоть что-нибудь почуять в Гомере. Характеристику гомеровского жизнеотношения см. в моей книге: „Аполлон и Дионис (о Ницше)“, главы: „Священная жизнь“ и „Бог счастья и силы“.